

БЕЛГОРОДСКАЯ ПРАВДА

• НАШИ
ЗЕМЛЯКИ

СТРОКА В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Его имя известно совсем немногим из белгородцев, да и в Борисовке, где он родился, давно затерялась тропинка к его заброшенной могиле над очарованной Ворсклой на Усово-вой горе...

А между тем, имени этому отведено хоть и скромное, но достойное место в летописи театра братской Украины. Откровенно пятый том академического издания «Истории украинской литературы» (Киев, 1968 г.). В разделе, посвященном драматургии начала XX века, есть добрые слова и о нашем земляке: он называется в ряду тех, пусть не отличающихся большими масштабами таланта драматургов, которые своим творчеством противостояли нашествию холодных драматических, стремились искренне служить искусству: «Несомненно в их наследии (тоже значительном по объему) равноценно, не все может быть принято нами, но встречаются у них и более удачные пьесы, которые получали заслуженную позитивную оценку передовой критики и входили в репертуар лучших трупп. Кроме уже упомянутых, можно еще назвать П. Барвинского (Израильченко, 1862—1908), актера труппы М. Кропивницкого, Н. Садовского, галицкой «Русской беседы», прозаика и драматурга, автора пьес «Каторжная», «Потерянный век», «Нигилизм», «Антось Дукат», «Невистинка», «Бондаривна», и сценарии «Энеиды» И. Котляревского и др. Из них широкий резонанс имела «Каторжная», темой которой стала трагедия обесчещенной сельской девушки...

Не обойден вниманием П. Барвинский, естественно, и в двухтомнике «Украинский драматический театр» (Киев, 1967 г.). Тут он упоминается как актер, высоко оценивается созданный им образ в спектакле по пьесе И. Карпенко-Карого «Хозяин», поставленном в начале века в театре «Русская беседа». О Барвинском-драматурге говорится в связи с первыми попытками изображения на украинской театральной сцене предоктябрьской поры новых социальных явлений в общественной жизни. «В начале 1900 года со сцены труппы Ярошенко было сказано, пока еще несмело, слово о рабочих, шахтерах, выведенных в драме «Каторжная» П. Барвинского, актера этой же труппы. Тут поднимались совсем новые для украинского театра вопросы: быт шахтеров, взаимоотношения между крестьянами, что пришли работать на шахту, и потомственными рабочими, между рабочими украинцами и русскими. Свежесть темы победила художественное несовершенство драмы и обеспечила ей большое распространение».

Думается, уже этого достаточно для того, чтобы всерьез заинтересоваться судьбой нашего земляка, человека незаурядного, прожившего короткую, но яркую жизнь.

А истоки этой судьбы достаточно ordinарны. Родился Павел Яковлевич Барвинский (Израильченко) в 1862 году в слободе Борисовке, в семье столяра-кнотчика. Родитель, человек не без «коммерческой жилки», связывал с сыном тщеславные надежды, изо всех сил старался дать ему образование. Он, конечно, не подозревал, что придет час, и отпрыск его изберет беспкой-

ную, нечуждую, в общем-то малоодоходную профессию актера.

Но это потом... А из сохранившихся архивных данных мы знаем, что когда родители Павла переехали в сл. Шопино, он был определен в Белгородскую «герцога Эдинбургского» гимназию. Сохранилось прошение от отца Барвинского на имя директора этой гимназии Н. Ф. Одаренко, датированное 23 июня 1878 года. Из него явствует, что Павел после третьего класса расстался с Белгородом. Известно также, что завершил он гимназическое образование в Москве, но затем вместо университета, как чаяли его родственники, поступил в консерваторию. По свидетельству современников, у Барвинского был прекрасный голос, он отлично играл на многих инструментах. Но после двух лет консерваторской учебы — новый поворот в судьбе даровитого юноши: он оказывается в гастролирующей в то время в столице драматической русско-украинской труппе А. Н. Василенко (Милославского). Так началась его трудная актерская судьба — с бесконечными разъездами, лишениями, творческими взлетами и разочарованиями.

Из публиковавшихся в дореволюционной печати биографических сведений о Барвинском известно, что он в разные годы выступал в прославленных труппах, руководимых такими мастерами, как один из основоположников украинского сценического реализма, продолжатель традиций нашего великого земляка Щепкина М. Л. Кропивницкий, Н. К. Садовский. Есть основания предполагать, что с Кропивницким судьба свела Барвинского как раз в то время, когда вновь сформированная труппа, что называется, «проверяла себя» на белгородском зрителе зимой 1888 года (вся подготовительная работа велась в Харькове). Испытание удалось на славу. Белгородцы по достоинству оценили мастерство таких актеров, как Левицкий, Борнотелевская, Сулов, Зарницкая и другие. Видимо, именно в этот период и наш П. Барвинский перешел в эту труппу. Незадолго до того он женился на своей землячке Аделанде Никольской (впоследствии по сцене — Гайдаривна).

Работа с такими мастерами, как Кропивницкий, Садовский, а затем Деркач, Ярошенко, общение с лучшими артистами способствовали формированию у Павла Барвинского высоких требований к актеру, к театру вообще. Он отвергал театр спекулятивный, балаганный, ориентировавшийся на невзыскательную публику, падкую на мелодраму, на внешние страсти. Такие чисто коммерческие «направленные» труппы (у них была и своя «драматургия»), что называется, путались под ногами у реалистического искусства...

В 1900 году тридцативосьмилетний актер предпринимает честолюбивую попытку создать собственную труппу. Нам трудно судить, насколько серьезные у него были для этого основания. Заметим только, что к этому времени он уже написал упоминавшуюся «Каторжную». При формировании труппы Барвинский ориентировался, видимо, лишь на одаренных любителей (он привлекал к театру и многих борисовцев) — заведомо оказавшихся в неравном положении с коллегами, сверкавшими широко признанными артистическими именами. После соответствующей подготовительной работы труппа выехала в гастрольную поездку на Украину. Однако конкуренция, судя по всему, не выдержала. Во всяком случае, уже в 1902 году мы видим Павла Барвинского в составе театра товарищества «Русская беседа» в Галиции. Ему довелось участвовать в одном из последних спектак-

лей выдающегося режиссера К. Подвысоцкого — «Хозяин» (П. Барвинский с успехом играл Золотницкого). Спектакль этот — глубоко реалистический, целостный по замыслу, ансамблевый — сыграл заметную роль в утверждении прогрессивных традиций на западноукраинской сцене. И теперь, 68 лет спустя, мы можем отметить, что в успехе этого спектакля есть частичка труда и нашего земляка...

Но дни Павла Барвинского на сцене были сочтены: к сорокалетнему актеру, которому бы только играть да играть, подкрался туберкулез. Он вынужден был уже через год расстаться с театром и возвратиться в родные края. Он решает поселиться в Белгороде, устраивается в городскую управу простым делопроизводителем.

Мертвящая атмосфера канцелярской службы, конечно же, угнетала его, он не может не заниматься творчеством, много пишет, создает в Белгороде театральный любительский кружок, ставит несколько спектаклей.

Последние годы Барвинский пробует силы не только в драматургии (первая пьеса была написана им еще в 1894 г.), но и в прозе. Далеко не все в его наследии заслуживает серьезного внимания, его взгляды были во многом противоречивы. И все же в двухтомнике произведений Барвинского, изданном в 1907—1908 годах в Полтаве, обращала на себя внимание попытка разрабатывать сюжеты из жизни людей труда, критически взглянуть на духовенство, на жизнь провинциального театра. Например, в рассказе «Певница Варька» впечатляюще показана судьба талантливой девушки из народа, загубленной нищетой.

Особенно примечательна история рассказа «В лесу», впервые опубликованного в журнале «Русская мысль» в 1905 году — появлению этого рассказа «на свет» в известной мере способствовал великий Чехов.

Как вспоминает дочь Барвинского Антонина Павловна, ее отец был большим книголюбом. Особенно выделял Горького и Чехова. Она помнит, что с Чеховым у отца была переписка. Но судьба этих писем ей неизвестна...

И вот перед нами присланные из библиотеки имени В. И. Ленина фотокопии трех писем Барвинского к великому писателю, датированных мартом — апрелем 1904 года.

В первом из этих писем (от 7 марта) наш земляк сетует на бесплодность своих попыток проникнуть в один из «толстых» журналов, подробно излагает свои замечания в связи с этим...

«В силу всего вышеизложенного, пытаясь канцелярским языком, прибегая к Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, и вопию, яко Давид к богу, возьмите на себя труд просмотреть посылаемые вместе с этим мои рукописи...

Если же в моих рассказах ничего порядочного, по Вашему мнению, нет — будьте любезны, вышлите их обратно мне: тогда, по крайней мере, я буду в состоянии спокойно, отбросивши всяческие обуревающие меня сомнения по поводу «писательских способностей», заняться чем-либо более подходящим. За сим прошу принять уверение в совершенном почтении к Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, от П. Барвинского.

Мой адрес: город Белгород, Курской губернии, Соборная ул., д. Сапунова».

Итак, из Белгорода (дом

Сапунова находился, предположительно, в районе нынешнего облдрамтеатра) пошло письмо к Чехову. Автор, конечно, не знал о том, насколько тяжело болел Антон Павлович: он бы наверняка не стал утруждать его своими просьбами...

Но вот читаем второе письмо, датированное 6 апреля — через три месяца Чехова не станет... Это почти невероятно, но из письма Барвинского следует, что писатель нашел в себе силы и время, чтобы ответить в далекий Белгород безвестному автору рассказов.

«г. Белгород, 6 апреля 1904 года. Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Прошу принять мою искреннюю благодарность за высказанные в Вашем письме указания и советы по поводу моего рассказа «В лесу». Рассказ этот я переписал, сократил и выбросил из него все то, на что Вы мне указали. Осталась в нем только одна украинская фраза (пословица) и четыре оригинальных, в устах Евстафия, словечка.

Первую я оставил потому, что решительно не мог подобрать в русском языке фразы, которая так же характеризовала бы высказанную Здоровцем (малороссом) мысль; а те четыре словечка («хвастаческий» прохвост, как называл Евстафий Гайдамаку, «свиштул» вместо украл, «фрукта» и «шарманка» — названия, даваемые им лошадежке) я не мог выбросить потому, что мне больно было отнимать у Евстафия его любимые, хотя иногда и совершенно дикие, выражения. Простите за маленькое отступление. Дело в том, что этот самый Евстафий, убивши однажды осенью, при мне, красиво оперенного жирного дикого селезня, поднял его, восторжествуя, в воздухе, и обращаясь ко мне, с восхищением проговорил: «Вот так «маскарад»! Оказалось, что в устах Евстафия слово «маскарад» означало: и большую величину, и красивое оперение, и жирное тело — словом сказать, все достоинство застреленной им птицы.

В заключение всего покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Антон Павлович, отослать посылаемые вместе с этим исправленный рассказ мой от своего имени в редакцию журнала «Рус. Мысль».

Даже из писем видно, что Барвинский уверенно владел и литературным русским языком. Обращает на себя внимание чисто писательский, профессиональный разговор в письме по поводу полученных замечаний. Трогательно звучит отступление о Евстафии и его словечке «маскарад». Это написано точно, сдержанно, с неназойливым юмором. А читать письмо грустно, все думается невольно о том, как мало предстояло жить тому, кому оно адресовалось...

И вот в третьем, самом коротком письме из Белгорода Чехову (19 апреля 1904 г.) Барвинский недоумевает:

«Я решительно не могу понять: что означает обратная высылка мне исправленного, по Вашему указанию, моего рассказа «В лесу»? То ли, несмотря на исправление, рассказ мой все-таки вышел слабым, или, быть может, я чересчур воспользовался Вашей любезностью, обратившись к Вам с просьбой отослать от себя мой рассказ в ред. «Рус. Мысль». Ей богу не понимаю! Прошу верить, что только это обстоятельство вынуждает меня еще раз обеспокоить Вас своей покорнейшей просьбой о разъяснении...

А рассказ «В лесу», как мы уже говорили, появился в 1905 году, уже после смерти Чехова, в той же «Русской мысли». Нам неизвестны обстоятельства его опубликования, но нельзя без волнения думать о том, что к нему прикасалась рука великого мастера слова...

А между тем, немного лет было отпущено и самому Барвинскому. В 1905 году его здоровье заметно ухудшилось, и он из Белгорода перебирается в Борисовку, чтобы как говорил сам, «лечь в родную землю». Здесь Барвинский и умер — 21 августа 1908 года, 45 лет от роду.

Обстоятельства не позволили в полной мере раскрыться его разносторонне одаренной натуре. Но он, земляк наш, все-таки вписал свою, пусть негромкую, строчку в летопись искусства.

А. ПОТАПОВ.
П. ПРОТАСЕНКО.